

Ничего удивительного в этой умышленной неразберихе нет. И вослед за именем Бориса Пильняка, через запятую, можно назвать десятки и десятки других, без кого отечественная культура неполная; об их последних днях мы тоже мало что знаем. Кто, когда и где свинцовой точкой заканчивал биографию Николая Гумилева? Кто будет в ответе за «санкционированное умирание» Александра Блока? А еще - Мандельштам, Цветаева...

О Гумилеве ведущий критик русского зарубежья Вейдле скажет потом, что в его лице революция пристрелила не нужную ей поэзию. Заметим: не поэзию вообще, а - не нужную ей; то есть не ЕЕ, революционную поэзию.

То же, но спустя годы, она проделала и со многими другими. Однако судьба больше биографии, потому что может быть и посмертной. Она развивается по своим законам, которые прогнозировать невозможно. И зачастую имена, служившие лишь мишенью для ругани, а то и вовсе преданные забвению, возвращаются спустя десятилетия не только в культурный обиход, но и в ряд самых читаемых публикой.

В числе прочих это произошло и с Борисом Пильняком. Хотя о нем нельзя сказать «в числе прочих», поскольку тогда, в 1929 году, он был одним из первых, зашибленных камнем революции.

Как же случилось: автор признанного левого романа о революции «Голый год», выдержавшего три издания, начиная с 21-го года, и - враг?

Впрочем, и сам-то «Голый год», не поймешь, то ли хвалили, то ли ругали. И не только за «монтаж», за «фрагментарность». Фурманов решил, что автор «революцию понял как бунтарство; Октябрь увел Русь к XVII веку. Никакого Интернационала нет, а есть национальная мужицкая революция... Пильняк не понимает новой деревни... У Пильняка нет цельности».

Да, роман сделал писателя известным, имя его на слуху. Но в это же время Горький делится с Фединым: «Да, Пильняк пишет «мудрено», - но я очень не советую обращать на него внимание. Он весь - из Белого и - немножко - от Ремизова».

Эти-то обвинения, по нынешним временам, можно и за комплимент счесть. Тогда, в пору авангардистских вывертов, кто только не упрекал Пильняка за то, что он находится под влиянием Бунина, Чехова, Зайцева; за то, что он постоянно повторяет себя целыми кусками; за то, что заимствует у классиков традиционалистов тексты, включая их в свои произведения. На что Пильняк довольно остроумно отвечал, что это не заимствование, а - «соборность нашего труда».

Считается, что Бориса Пильняка власть особо пристально «заметила» после выхода в берлинском издательстве «Петрополис» повести «Красное дерево» летом 1929 года.

Но еще в 1924 году президент Академии художественных наук П. Коган писал в «Советской культуре»: «Пильняк обращен к прошлому скорее, чем к будущему. Его взору открыты не столько кожаные куртки, люди со стальной волей, без колебаний идущие к цели, сколько искалеченные остатки прошлого, раздавленные беспощадным колесом истории, обломки знатных фамилий, потерпевшие крушение интеллигенты, неврасценики и алкоголики, ищущие спасения в угаре мистических и половых одурений».

Вчитываясь в строки ангажированной

критики того времени, понимаешь, что, если бы Пильняка не было, его надо было бы придумать (то же можно отнести и к Замятину) - специально «для битвы».

«Обращен к прошлому...» А к чему же еще обращаться ему, еще до революции написавшему хорошие рассказы о той жизни, которую любил и о которой всегда мечтал, будучи и в Париже, и в Японии, и в США, - о Можайске, где в 1894 году родился в семье земского врача-немца Vogau (мать - из старинной саратовской купеческой семьи); о Коломне, где жил потом... И, окончив в 1920 году московский коммерческий институт, не потому ли не пошел он в коммерцию, что именно литература перетянула? И она же, литература, стала тем крестом, который пришлось ему нести на свою Голгофу.

Борис ПИЛЬНЯК: «Я был...»

До сих пор в энциклопедических словарях и прочих справочниках значится, что писатель Борис Пильняк умер 9 сентября 1941 года.

Хотя, по другим, более поздним сведениям, он был расстрелян 21 апреля 1938 года. Как японский шпион.

Он был председателем правления Всероссийского Союза писателей, много писал и часто издавался. Но, готовя в 1935 году избранное, отмечал, что последний из рассказов был написан им до «Красного дерева», в 28-м году. Почему?

Потому что уже в 23-м появляются и внедряются в сознание литературной общественности эти слова - «литературная рвань пильняковщины». Хотя принцип «монтажа» в то время использовал и Горький.

Оставаясь «русейшим писателем», Борис Пильняк, исколесивший и Восток, и Запад, пишет преимущественно о происходящем в России. Может, и в этом причина - в том, что видит, в том - как пишет? Ведь картины, описание поездов, вагонов в «Голом году» - это страшные, ужасающие картины человеческого унижения, страдания, бесправия. Это - картины неприукрашенной революции.

... Обнародованная в очередной раз, уже в наше время, «Повесть непогашенной луны» вновь вызвала споры, дискуссии. Как тогда, в 26-м году, так и теперь многие считали, что за образом героя, командарма Гаврилова кроется не кто иной, как странным, загадочным образом погибший Фрунзе. Хотя еще тогда Пильняк, пытаясь быть осторожным, сообщал, что не было в рассказе искать подлинные факты, что он писал не репортаж о смерти Фрунзе.

Еще до «Красного дерева» Пильняк со всех сторон кроют за фрейдиизм, за якобы разнузданные половые инстинкты в повести «Заволочье», а потом - и за «Мать сыру-землю», за «Ивана-Москву». В критических формулировках уже появляются слова об идейных шатаниях... Не потому ли, что в «Иване-Москве» возник образ «какого-то странного, кровавого государства...»?

Пильняк нервничает, многое из написанного никому не дает, поскольку видит, чем будут грозить новые публикации вещей, не желающих вписываться в рамки «революционной этики».

В результате к тридцатым годам мастера «монтажной» прозы, экспериментатора, в одном лице совместившего реализм и авангардизм, доводят до того, что он вынужден доказывать свою лояльность. А тут еще - и обвинения в

срочуствии «троцкистско-зиновьевской сволочи», и высылка Троцкого из России, и статья в Малой Советской Энциклопедии 1930 года, в которой говорилось, что Пильняк не понял революцию, «толковал ее в славянофильском, народническом духе», что «политическая беспринципность этого представителя буржуазной интеллигенции резко сказалась в его повести «Красное дерево»; обывательски тенденциозное искажение происходящего в СССР социалистического строительства и издание этой книги за границей вызвало возмущение всей советской общественности».

Хотя справедливости ради надо сказать, что в берлинском «Петрополисе» тогда печатались едва ли не все.

Пильняка душит одиночество, тот вакуум, который всегда хорошо умели создавать в Стране Советов вокруг неугодных.

Доказывая лояльность (аречь-то шла о жизни), Пильняк после поездки в Америку пишет очерки об ужасном американском империализме, который не дает развиваться демократии; затем - о социалистических стройках...

Наверное, Пильняк был поставлен к стенке именно за то, что понял революцию такой, какой она и была на самом деле, - без ханства. Но революции хотелось быть более чистой, более идейной и возвышенной. Поэтому положительные качества она оставила себе, а отрицательными наделила Пильняка и всех, кто затем следовал за ним, поскольку он был одним из первых, на ком опробовались принципы, тактика и стратегия травли.

Замятин точно увидел и определил особенность прозы Бориса Пильняка: «Ценно у Пильняка, конечно, не то, что глину для лепки он берет не иначе, как из ям, вырытых революцией, и не его двухцветная публицистика, но то, что для своего материала он ищет новой формы и работает одновременно над живописью и над архитектурой слова; это - у немногих».

Вот они-то, немногие, и стали первыми жертвами, поскольку не вписывались в идейные зигзаги; поскольку законы творчества далеко не всегда совпадают с «генеральной линией»...

В «Голом годе» есть несколько философски-пророческих строк: «... Убили человека, и на могильном камне кто-то начертал неумелыми буквами:

- Я был, кто ты есть, -

Но и ты будешь то, что я есть.

Бескрайнюю степь, курган, все занесло снегом, и от надписи на могильном камне осталось два слова:

- Я был...»

Да, Борис Пильняк был в истории литературы, в истории культуры. Затем его пытались изъять, замолчать, забыть. Но он снова - есть. И сейчас, когда исполнилось сто лет со дня его рождения, есть смысл, помянув, еще раз задуматься о тайне посмертных судеб. То ли по закону сохранения духовной энергии они развиваются: колы был, то, значит, и есть, и будет, независимо от наших желаний; то ли по иным законам, еще неведомым, это не суть важно.

Важнее другое, нам, нынешним, помнить и знать ту историю, те имена, те трагедии. Ведь в отличие от неповторимых произведений искусства революции имеют особенность повторяться.

Иван ПАНКЕЕВ.